

© 1990 г.

ПОПОВ В. Н.

**РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ
В ИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТИ ГЛАГОЛАМ
СО ЗНАЧЕНИЕМ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

И смерть и жизнь — родные беды:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

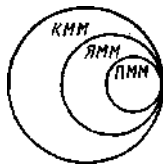
(Д. С. Мережковский. Двойная бездна)

В окружающем нас мире появляются, существуют, исчезают и отсутствуют (не существуют) самые многообразные предметы и явления. Для описания этого вечно изменяющегося мира в русском языке есть большая группа словообразовательных и словоизменительных формантов, слов и фразеологических оборотов, синтаксических конструкций, обозначающих появление, существование, исчезновение и несуществование. Среди этих языковых средств выделяются слова, являющиеся основным средством описания действительности, а среди слов — глагол, о котором академик В. В. Виноградов писал: «Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, т. е. непосредственно отражающей действительность, категорией русского языка» [1, с. 65]. Поэтому исследование организации множества русских глаголов, описание их лексико-семантической системы и отношений между различными ее участками представляются весьма актуальными задачами. Изучение участков глагольной системы является определенным вкладом в развитие семантической теории и лексикографической практики, помогает нашему познанию языковой модели мира, т. к. лексико-семантическая система вообще и глагольная в частности отражает существенные свойства окружающей нас действительности.

В философских и лингвистических концепциях, использующих понятие модели (картины) мира, обычно различаются две модели мира: 1) концептуальная (КММ) и 2) языковая (ЯММ) (см., например [2—4] и др.), хотя в пределах общей КММ некоторыми исследователями выделяются такие ее части, как социальная, религиозная, эпическая, научная, языковая, художественная картины мира и вплоть до внутренней индивидуальной модели мира конкретного автора отдельного художественного произведения; выделяются также картины мира человечества в целом, отдельных народов, групп; картины мира взрослых людей и детей, картина мира психически нормального человека и психопатологическая картина мира и т. д. (см. об этом [5; 4, с. 31]).

Сопоставляя различные точки зрения на сущность ЯММ и КММ, можно прийти к выводу, что большинство исследователей считает КММ и ЯММ разными картинами мира (ср. отличную точку зрения [6]), но тесно связанными одна с другой. Как отмечается, «границы между языковой моделью мира и концептуальной моделью мира кажутся зыбкими, неопределенными» [3, с. 271]. Противоречий же в оценке соотношений объемов разных моделей мира (ср. [2] и [4]), на наш взгляд, можно избежать, опираясь, с одной стороны, на различие терминов «понятие» и «концепт»¹ и, с другой стороны, используя представление о понятийно-логической модели мира (ПММ). ПММ есть, по нашему мнению, складывающееся из понятий, определений, категорий разных наук о мире рациональное описание действительности, основанное прежде всего на философской картине мира как рациональной мировоззренческой концепции.

Таким образом, КММ, объединяя, охватывая все остальные картины мира, может разбиваться на три большие области, которые имеют разный онтологический и гносеологический статус: КММ, КММ₁ (или ЯММ), КММ₂ (или ПММ); или КММ (ЯММ + собственно КММ), ЯММ (ПММ + собственно ЯММ) и ПММ. Собственно КММ представляет собой систему концептов, свободных от какой-либо вербальной формы и находящихся на первой ступени отражения действительности (разного рода образов, представлений и т. д.). В центре ЯММ находится языковое значение (как отмечают многие исследователи, главным образом лексическое)², т. е. объективированный концепт (ср. «концепт, связанный знаком» [7]). Значение слова выражает среднюю ступень познания действительности, т. к. в нем отражена только некоторая часть присущих определенному предмету (явлению) действительности признаков [8]. ПММ строится на системе понятий, т. е. объективированных и объективных концептов, наиболее адекватно отражающих реальный мир. Термин «объективный концепт» употребляется нами не в абсолютном, а в относительном смысле — «более объективный» (из существующих). Отношение между понятийно-логической, языковой и концептуально-образной моделями (картинами) мира можно представить в виде некоторой схемы³ (см. рис. 1).

Следовательно, объем ПММ меньше объема ЯММ, который в свою очередь меньше объема КММ. Иногда указывается, что «система понятий, фиксируемая и эксплицируемая как словами, так и речевыми произведениями указанного (в виде свободных словосочетаний и предложений, конкретное содержание которых является принадлежностью не языка, а речи) типа, будет значительно больше по объему, чем система лексических десигнатов» [10]. Однако, как очевидно, это утверждение не противоречит высказанному выше. Во-первых, потому что система лексических значений является лишь частью (хотя и центральной) ЯММ, в которую наряду с данным видом семантических значимостей входят еще два их

¹ «В то время как понятие является для нас ... высшим продуктом деятельности мозга, одной из важнейших разновидностей отражения объективной действительности, реализуемой к тому же в определенной логической форме и т. п., концепт мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [4, с. 143].

² «...главное же в ЯММ — это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях...» [2, с. 109].

³ «Нет ничего более естественного, как представлять себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [9].

больших вида: грамматические значения словоизменительных, словообразовательных, отчасти корневых морфем и смыслы высказываний, предложений, фраз и т. п., т. е. всех синтагматических единиц [4, с. 112—113]. Во-вторых, различие между понятием и концептом, которое является очень важным для нас (см. выше), не существенно для философов и лингвистов, занимающихся общей проблемой соотношения понятия и лексического значения. Так, Г. В. Колшанский отмечал: «Когда мы говорим о понятии, то имеем в виду всякое понятие: и так называемое научно обоснованное, и такое, которое не подвергалось научной обработке» [11]. В систему ПММ входят, по определению, лишь научно обработанные понятия. Система понятий, представленных в ПММ, уже, чем общая система человеческих понятий, рассматриваемая философом и языковедом. Кроме того, общеизвестно, что лексическое значение, определяемое прежде всего понятийным содержанием слова, формируется еще и метафорическим, а также метонимическим его употреблением, что, конечно, увеличивает объем ЯММ.

В ЯММ могут быть (и действительно есть) концепты, не обладающие объективностью, т. е. или не имеющие денотатов, или неверно отражающие предметы (явления) реального мира. Если научные знания выражаются в точных понятиях, представляющих объективную истину, то в языке, а также в довербальных образах возможно описание и/или представление любых существ, объектов и даже целых несуществующих миров. Общеизвестно, например, наличие в языке таких слов, как *леший*, *домовой*, *единорог* и т. д., не обозначающих объектов реального мира, т. е. то, «что можно было бы назвать концептом» [12].

Изучая различные фрагменты ЯММ и разные способы их представления (например, описание разных сторон бытия русскими глаголами), филолог имеет право и, на наш взгляд, должен опираться на ПММ: «при всем различии аспектов изучения семантики как лингвистической категории единым объединяющим их стержнем являются исходные положения гносеологии, т. к. любое проявление семантических категорий в языке неизбежно связано с его отражательной функцией» [13]. Наиболее адекватно отражает действительность через свой категориально-понятийный аппарат (т. е. строя свою ПММ) философия.

В ПММ, основанной на диалектико-материалистической философской концепции, констатируется наличие бытия, существования вообще, которое разделяется на собственно бытие (существование) и относительное небытие (несуществование), которое всегда в некотором смысле «есть»: «небытие не означает пустоты или абсолютного исчезновения, а есть лишь переход, превращение материи из одной формы Б[ытия] в другую, т. е. становление новой формы Б[ытия] материи» [14]. При этом «не следует отождествлять „существование“ предметов в форме объектов суждений о их небытии (и утверждений об истинности таких суждений) с фактом небытия, присущего бесконечному классу предметов, которых нет реально и о которых в то же время никто не мыслит как о существующих или как о несуществующих» [15]. Такой факт небытия «не реальных и никем не мыслимых предметов» не может быть отражен в ПММ (впрочем, как и в ЯММ) и, следовательно, не может быть одним из элементов этих картин мира, так как, чтобы быть отраженным в них, он должен быть мыслим.

Классификационные схемы русского глагола (см., например [16]) воспроизводят членение русскими глаголами не природной реальности, а «реальности», преломленной через ЯММ. И так как ЯММ имеет некоторый объем и соприкасается, как показано выше, с одной стороны —

с ПММ, а с другой — с КММ, то появляется возможность разных классификаций и разбиений множества русских глаголов (в частности — бытийных). Ср. способ представления оппозиции «глаголы со значением несуществования — глаголы со значением существования» в работе Н. Ю. Шведовой [17] и понимание этой оппозиции, предлагаемое ниже в настоящей статье (см. также [18]). Хотя и та, и другая схемы построены на собственно языковых основаниях и значениях, которые выявляются в самом языке, эти построения различны, классификационная сетка Н. Ю. Шведовой ближе к КММ, а излагаемая нами к ПММ. У Н. Ю. Шведовой глаголы со значением несуществования выведены из фаз бытия; поэтому объективно небытие противопоставляется бытию в абсолютном смысле. В предлагаемой нами интерпретации соответствующие русские глаголы понимаются как называющие относительное небытие (несуществование) — некоторую определенность, лишенную лишь тех качеств, которые противопоставляют ее собственно бытию, существованию.

Глаголы со значением несуществования до сих пор не были предметом специального изучения. Однако в работе Н. Ю. Шведовой [17] бытие в целом противопоставлено небытию, отсутствию существования. Общее значение небытия заключено, по мнению исследователя, в узком круге глаголов, называющих: 1) собственно небытие; 2) отсутствие того, чему следует быть; 3) отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось; 4) отсутствие того, что было и исчезло; 5) отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем [17, с. 9—10]. Проведенное нами обследование большого массива художественных и публицистических текстов и всех современных лексикографических источников позволяет считать группу глаголов со значением несуществования* в современном русском языке достаточно широкой (примерно 100 единиц). Подробный же анализ этой группы привел к построению несколько иной классификации — трехчленной; а) глаголы со значением собственно несуществования; б) глаголы, называющие отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем; в) глаголы, называющие отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось. По-видимому, подгруппа глаголов, называющих отсутствие того, что было и исчезло, вносимая в указанной работе в группу глаголов небытия, по своей семантике конца существования, исчезновения относится к множеству глаголов конечной фазы существования — исчезновения. Подгруппа глаголов, называющих отсутствие того, чему следует быть, является составной частью подмножества глаголов, называющих собственно несуществование.

По результатам нашего исследования глаголов (и глагольных фразеологизмов) со значением собственно несуществования насчитывается около 20 единиц. Наряду с бесспорно обладающими таким значением глаголами, как *не быть* (нет), *недоставать*, *не хватать* (о нецелесообразности глаголов типа *не быть*, *не хватать* см. ниже), *отсутствовать*, глаголом-идентификатором этой группы *не существовать*, а также глагольными фразеологизмами *в помине нет*, *нет и помину*, *не ночевало* («Поэзия и не ночевала тут». И. Тургенев, Письмо Я. П. Полонскому, 1868, 16 янв.); сюда могут быть отнесены глаголы с нерегулярно, непоследовательно отмечаемыми значениями несуществования (в большинстве вторичными, переносными, складывающимися в контексте): *бездать* (устар.) [например;

⁴ В соответствии с принятым в настоящей статье пониманием несуществования как одной из фаз бытия вообще вместо термина «небытие» мы употребляем термин «несуществование», вместо «предбытие» — «предстояние».

о сне, покое — «Татьяна бедная горит, Ее постели сон *бежит*». А. Пушкин, Евгений Онегин («сна нет»)], *дремать* [например: о громе, ветре — «Где *дремлет* гром над глубиною». М. Лермонтов, Вид гор из степей Козлова («гром не гремит, его нет»)], *избегать* (например: о счастье — Счастье его *избегало*), *лежать* (в земле) (о мертвом человеке), *молчать* (например: о звуках, о музыке — «Молчит музыка боевая». А. Пушкин, Полтава), *отдыхать*, *покоиться*, *почивать*, *спать* (мертвым сном, в земле) (о мертвом человеке — «Да* жаль его: сражен булатом, Он *спит* в земле сырой». М. Лермонтов, Бородино), *сторониться* (например: об удаче — Удача его *сторонится*), *убегать* (устар.) (например: о сне, счастье — «Острижица долго не мог заснуть..., сон *убегал* его». Н. Гоголь, Несколько глав из неоконченной нов.)⁵.

Глаголов, называющих отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем,— около 35 — с данным значением, отмечаемым в словарях и/или выявляемым в соответствующих контекстах: *задержаться*, *задерживаться* (например: об еще не начавшемся наступлении — «Из нее [крепости] хорошо простреливалась вся местность, чем *задерживалась* наше наступление». Б. Пастернак, Доктор Живаго); *запаздывать*, *запоздать*, *запоздниться* (прост.) (например: об еще не наступившей зиме); *затягиваться*, *затянуться*, *медлить*, *опаздывать*, *опоздать* (например: об еще не принятом решении); *отдаливаться*, *отдаляться*, *отодвигаться*, *отодвинуться* (например: об еще не начавшемся деле); *откладываться*, *отлагаться*, *отложиться* (например: об еще не начавшейся церемонии); *отнестись*, *относиться* (например: об еще не начавшейся встрече) и др.

Глаголов (и глагольных фразеологизмов), называющих отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось,— около 40 — с этим значением, отмечаемым в словарях и/или выявляемым в соответствующих контекстах: *замереть*, *замирать* (на устах, на губах) (например, о звуках: «— И я хотел изречь хулы на небо — Хотел сказать... Но голос *замер* мой — и я проснулся». М. Лерлюнтов, Ночь I); *застрывать*, *застрять* (в горле) (о словах: «Да нелегкая дернула теперь заседателя от... Другая половина слова *замерла* на устах рассказчика... Н. Гоголь, Сорочинская ярмарка); *миновать*, *миноваться*, *минуть*, *минуться* (например: о беде, не наступившей, но которая была возможна); *накрываться* (прост.), *накрыться* (прост.), *лететь* (разг.), *полететь* (разг.) (например: об отпуске, который был возможен, но уже не состоится) *обойти*, *обойдти* (стороной) (например: о несчастье, которое было возможно, но не наступило) и др.

Глаголы же существования определяются как представляющие существование в целом, которое протекает по 10 основным фазам — от фазы предбытия (см. примеч. 4) до фазы исчезновения, конца. Это фазы: 1) предбытия (*предстоять*); 2) возникновения (возникать, начинаться); 3) становления (*становиться*); 4) осуществления (*осуществляться*); 5) собственно существования (*быть*, *существовать*, *наличествовать*); 6) приостановки, склонения к концу (*приостанавливаться*); 7) прерыва в течении бытия, остановки (*прерываться*, *пресекаться*); 8) краткости или мгновенности бытия, нерасторжимости возникновения и исчезновения (*мелькнуть*), 9) достижения предела бытия (*доживать до*), 10) исчезновения, конца (*исчезать*, *кончаться*) [17, с. 8—9]. Фазы бытия, представляемые бытийными

⁵ Как это видно из примеров, в настоящей работе в силу ограниченности места не рассматривается реально существующее и важное для языка разграничение субъектов, мыслимых абстрактно, отвлеченно, и субъектов, репрезентирующих собой ситуацию.

глаголами, располагаются по прямой как последовательно сменяющие друг друга: фазой предстояния эта шкала открывается, а фазой исчезновения заканчивается. Для представления оппозиции «глаголы со значением несуществования — глаголы со значением существования» расположим три подгруппы глаголов несуществования (см. выше) под указанными фазами глаголов существования. Глаголы обоих членов оппозиции отражаются друг в друге как в зеркале (см. эпиграф).

Рассмотрим основные виды противопоставленности, выражаемой данными глаголами: 1) все глаголы со значением несуществования в целом противопоставляются всему множеству глаголов со значением существования, представляющих 10 фаз собственно бытия; 2) глаголы со значением собственно несуществования — всем глаголам со значением существования на всех его фазах; 3) глаголы собственно несуществования как образующие одну из подгрупп глаголов несуществования — глаголам собственно существования как именующим одну из фаз собственно бытия; 4) глаголы, называющие отсутствие того, что должно быть, но не осуществилось и предполагается в будущем, — всему множеству глаголов фаз, предшествующих фазе собственно существования; 5) глаголы, называющие отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось, — всему множеству глаголов фаз, следующих за фазой собственно существования; 6) глаголы, называющие отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось, противопоставлены множеству глаголов фаз, предшествующих фазе собственно существования.

Построение оппозиций на чисто логических основаниях могло бы дать большее их количество. Кроме перечисленных могли бы быть противопоставлены, например, глаголы со значением несуществования как целое глаголам со значением собственно существования как именующим одну из фаз бытия; глаголы, называющие отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем, — всему множеству глаголов фаз, следующих за фазой собственно существования, и т. д. Эти логические оппозиции действительно существуют. Но предметом нашего исследования являются собственно языковые оппозиции. Эти оппозиции строятся на основе самих языковых отношений — первично соотнесенных, как отмечено выше, с основаниями гносеологическими. Такими языковыми основаниями служат парадигматические, синтагматические, словообразовательные отношения, т. е. конкретнее: синонимические, антонимические отношения, отношения между однокоренными словами, между словами с одинаковыми приставками.

В первой оппозиции глаголы несуществования как целостное подмножество противопоставляются целостному же подмножеству глаголов существования (см. рис. 2⁶). Здесь не играет роли ни наличие подгрупп с различным значением в первом подмножестве, ни фаз во втором. Основанием для этого изначального противопоставления является собственно семантическая антонимия [«существует (на любой фазе) — не существует (с любым добавочным значением)»], естественно присутствующая в качестве основной и во всех остальных рассматриваемых далее оппозициях.

⁶ В этой и следующих схемах (рис. 2—7) буквы обозначают: А — множество глаголов фазы собственно существования; Б — множество глаголов, именующих фазы собственно бытия, которые предшествуют фазе собственно существования; В — множество глаголов, именующих фазы собственно бытия, которые следуют за фазой собственно существования; а — множество глаголов группы со значением собственно несуществования; б — множество глаголов, называющих отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем; в — множество глаголов, называющих отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось.

Общая сема входящих в оппозиции глаголов — «быть вообще». Оппозиция может быть представлена любой произвольно взятой парой: глагол несуществования — глагол существования. Например, глагол собственно несуществования — глагол собственно существования: «Текущее вверх, в изначальное устье, все странствие *длится*, а странника — *нет*» (Б. Ахмадулина, Дорога на Паршино, дале — к Тарусе...); глагол собственно несуществования (называющий отсутствие того, чему следует быть) — глагол фазы осуществления: «Только старости *недостает*. Остальное — уже *совершилось*» (Б. Ахмадулина, Медлительность). Здесь субъекты при противопоставляемых глаголах различны. Однако субъект может быть при этих глаголах одним и тем же: «К обеду обычно и *заканчивались*, нет, *откладывались* всякие срочные дела» (Е. Будинас, Уходящий объект) — противопоставляются глагол, называющий отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем, и глагол фазы исчезновения (склонения к концу); «Великолепная атака „Спартак“»,

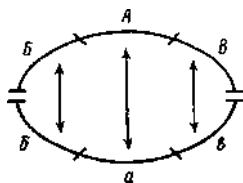

Рис. 2.

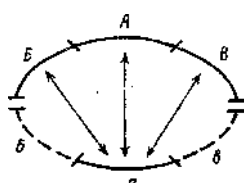

Рис. 3.

которая могла *быть*, — *сорвалась*» — противопоставлены глагол, называющий отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось, и глагол собственно существования; «Если в сфере политики *существует* продуманная программа действий, то в области воспитания такая программа *запаздывает*», — противопоставлены глагол, называющий отсутствие того что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем, и глагол собственно существования.

Естественно, что глаголов несуществования намного меньше, чем глаголов существования. По нашим подсчетам, основанным как на данных, приведенных в работе Н. Ю. Шведовой [17], так и на наших собственных данных, полученных на материале картотеки, составленной по современным толковым, фразеологическим и другим словарям, а также по произведениям художественной и публицистической литературы XIX—XX вв. и записям разговорной речи, их примерное соотношение — 100 : 2000. Вполне очевидно, что в жизни на первом плане стоят реально существующие объекты и, следовательно, слова, их называющие. В человеческой практике и сознании несуществующие вещи, предметы явления не столь важны и актуальны, поэтому их название в гораздо меньшей степени интересует людей.

Противопоставленность глаголов со значением собственно несуществования глаголам со значением существования на всех его фазах (рис. 3) наглядно демонстрируется собственно языковыми системными отношениями: так, основанием для нее служат отношения, возникающие лишь между однокоренными глаголами; этими же глаголами, входящими во фразеологические обороты; глаголами, являющимися членами синонимических

рядов и антонимических пар. Все эти глаголы имеют строго закрепленное за ними место в каждом члене данной оппозиции. Например: Музыка *замолкает* (склонение бытия к концу) — Музыка *замолчала* (исчезновение собственно бытия) — Музыка *молчит* «музыка отсутствует, ее нет» (несуществование). «Кой-где гарцуют казаки. Равняясь, строятся полки. *Молчит* музыка боевая», (А. Пушкин, Полтава). Ср.: «Удары его молота доносились до нашего дома, а когда наступали сумерки и звуки рабочего дня *умолкали*, то прекращались и кузнечные звуки» (С. Скиталец, Сквозь строй); «На нивах шум работ *умолк*» (А. Пушкин, Евгений Онегин) и «Все громко хлопаем; кричат: «bravo! bravissimo! чудесно!» Свистки сатириков *молчат*, И все покорствуют прелестной» (А. Пушкин, К молодой актрисе). Употребление этих однокоренных глаголов ясно показывает возможность описания бытия субъектов (названий звуков) от склонения к концу, через фазу исчезновения к собственно несуществованию. Также о субъектах—именах чувств: «Когда *умолкала* боль..., перед ним тихо развстрывалась вся история этого, теперь ужасающего бытия» (И. Гончаров, Обрыв); «И те душевные страдания, которых доселе я испытал много и много, *замолкнули* вовсе» (Н. Гоголь, Письмо П. А. Плетневу, 1846, 20 февр.), «Терпенье Софьи Николовны лопнуло, голова вспыхнула, любовь *замолчала*, сожаленья, раскаянья как будто никогда не бывало» (С. Аксаков, Семейная хроника) и «Мы вышли: я мчался на быстром коне; И кроткая жалость *молчала* во мне» (А. Пушкин, Черная шаль); «*Молчит* в груди моей Порыв болезненных страстей» (М. Лермонтов, Преступник).

Еще ярче это движение бытия субъекта проявляется в семантике фразеологических оборотов. Такое движение можно продемонстрировать фразеологическими оборотами, синонимичными глаголами *умирать* и *умереть*, т. е. типа *ложиться в могилу (землю, гроб)* «умирать» — *лечь в могилу (землю, гроб)*, *уснуть вечным (последним, мертвым) сном* «умереть», и фразеологизмами типа *лежать в могиле (гробу, земле)*, *спать мертвым (непробудным, вечным) сном*. Ср.: «Но там, увы, где неба своды сияют в блеске голубом, Где тень олив легла на воды, *Заснула ты последним сном,*» (А. Пушкин, Для берегов отчизны дальней...); «Когда ж пойду на новоселье (*Заснуть* ведь общий всем удел), Скажи: «Дай бог ему веселье! Он в жизни хоть любить умел» (А. Пушкин, К Н. Г. Ломоносову); «И те ясны очистухнули, *Спит могильным сном* Красна девица!» (А. Кольцов, Не шуми ты, рожь...); «Жизнь, друг мой, бездна Слез и страданий... Счастлив стократ Тот, кто, достигнув Мирного берега, *Вечным спит сном*» (В. Жуковский, Майское утро). Также: «Отцы их и деды век в своем родном селе проживали. Родились тут, тут и *в землю ложились*» (М. Алексеев, Наследники); «Пусть свет и радость прежних встреч Нам светят в трудный час, А колы придется *в землю лечь*, Так это ж только раз» (М. Исаковский, В прифронтовом лесу); «Спросите вы у тех солдат, что *под березами лежат*, и вам ответят их сыны, хотят ли русские войны» (Е. Евтушенко, Хотят ли русские войны...).

Однокоренные глаголы (фразеологизмы, содержащие такие глаголы) выстраиваются в цепочки, соотносящиеся с фазами бытия, хотя во многих случаях и неполные: *замолкать* — *замолчать* — *молчать*, *умирать* — *умереть*, *ложиться в могилу* — *лечь в могилу* — *лежать в могиле*, *уснуть вечным сном* — *спать вечным сном*, *засыпать* — *заснуть* (*уснуть*) — *спать* (т. е. фазы склонения к концу — исчезновения — несуществования). Такие цепочки можно продолжить, включив в них однокоренные глаголы, именующие фазы, которые предшествуют фазе собственно существования.

Например: *засыпать* (склонение к концу) — *заснуть* (исчезновение) — *спать* (несуществование) — *просыпаться* (возникновение) — *проснуться* (осуществление). Ср.: «Постой! Безумная тревога *Уснет* в измученной груди» (А. Фет, Смерти); «Где нет ни ожиданий, ни страстей, Ни горьких слез, ни славы, ни чести; Где вспоминанье *спит* глубокоим сном» (М. Лермонтов, Смерть); «И от этого хаоса в ней самой *просыпалась* какая-то ей самой непонятная злость» (А. Белый, Петербург); «*Проснулись* чувства, я сгораю, Томлюсь желаньями любви...» (А. Пушкин, Руслан и Людмила).

На основании рассмотренных отношений между различными группами класса глаголов бытия можно утверждать, по нашему мнению, что глаголы со значением собственно несуществования наряду с глаголами, называющими отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем, и глаголами, называющими отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось (о глаголах последних двух подгрупп см. ниже), отражают реальное несуществование и представляют его в языке как состояние субъекта, находящегося на «нулевой фазе» бытия — фазе несуществования, включенной в непрерывную цепь фаз бытия, сменяющих друг друга. Впрочем, если, например, для субъектов — названий чувств такая мена фаз принимается в качестве нормы (*чувства спят — чувства проснулись*), то для субъектов — имен людей переход с фазы несуществования на фазу, например, возникновения обычно (но не абсолютно!) запрещен: «Но не проснется звонкая струна Под белоснежною рукой твоей, Затем что тот, кто пел твою любовь, Уж будет *спать*, чтоб не *проснуться* вновь» (М. Лермонтов, Арфа).

Оппозиция «глаголы со значением собственно несуществования — глаголы со значением собственно существования» (см. рис. 4) с очевидностью предстает в антонимических противопоставлениях. Естественно поэтому наличие в подгруппе глаголов со значением несуществования глаголов с приставкой не (*недоставать*) или частицей не, стремящейся по существу стать приставкой (*не хватать, не быть*) (ср. наст. вр. — *нет*). Такие глаголы с частицей не могут рассматриваться как нецельно-оформленные слова, которые занимают свое место в общей системе лексических оппозиций и обладают всеми свойствами элементарной единицы внутри этих оппозиций. «Парень протянул руку, на ней *не хватало* пальца» (В. Некрасов, В родном городе); «В городах же губернских никакого полуторамиллионного населения *нет, не бывало, не будет*» (А. Белый, Петербург). Примыкает к ним глагол — идентификатор группы — *не существовать*: «*Не существовало* ни крыши, ни оконных рам, ни дверей, ни полов. Все, что способно было гореть, сгорело» (П. Павленко, Счастье); «В России никогда *не существовало* обычая или традиции давать параллельные географические названия».

Противопоставленность глаголов со значением собственно несуществования и глаголов со значением собственно существования выявляется при минимальном синтаксическом преобразовании предложений, содержащих такие глаголы, — введении в них частицы не, выражающей отрицание. Например, с одной стороны, *Ветерок* *есть*, существует, с другой стороны, *Ветерок не веет* = *Ветерок спит* «он нет, он отсутст-

⁷ «Но *вечным сном* пока я *сплю*» (А. К. Толстой, Иоанн Дамаскин). Употребление наречия *пока* указывает на то, что здесь сочетание слов *пока сплю* называет отсутствие того человека, которого сейчас нет, но возникновение (воскресение) которого предполагается в будущем. Также: «И я *спала* все прошлые века Светло и тихо в глубине природы» (Б. Ахмадулина, Моя родословная) — об еще не родившемся человеке.

вует»: «Кругом все тихо, ветры *спят*, Прохлада вешняя *не вьет...*» (А. Пушкин, Руслан и Людмила). С одной стороны, *Ветер спит* «его нет, он отсутствует», с другой — *Ветер не спит* = *Ветер свистит* «он есть, существует»: «Да ветер не *спал*, все посвистывал...» (Ч. Айтматов; Буранный полустанок). Также: *Дождь отдыхает* «его нет, он отсутствует» и *Дождь не отдыхает* = *Дождь идет* «он есть, существует»: «Дождь шел уже вторую неделю. Не *отдыхал* даже ночью» (Ф. Видрашку, Набережная надежды). В последнем примере из-за темпорального детерминанта «ночью» возможно двоякое понимание ситуации несуществования: абсолютное или неабсолютное, временное отсутствие. При употреблении в предложениях, имеющих в качестве предикатов глаголы со значением собственно несуществования, квалификаторов типа «вообще», «никогда»,

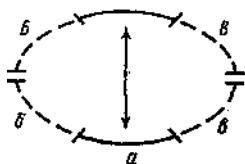

Рис. 4.

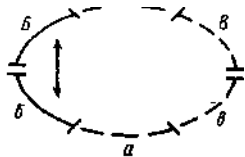

Рис. 5.

«во всем мире» и т. п., эти предложения будут выражать полное, безотносительное несуществование. При этом несуществование никогда не будет представлять собой абсолютное небытие (см. выше). С другой стороны, значение такого полного, но квазиабсолютного несуществования регуляр-но выражается отсутствием каких-либо квалификаторов [19].

Иногда в тексте могут быть указания на какие-либо ограничения состояния несуществования. Такое ограничение выражается различными способами: 1) смысловыми ограничениями, вытекающими из контекста; 2) разного рода определителями к субъекту несуществования, сужающими понятие, называемое субъектом; 3) детерминантами, ставящими пространственные, временные, условные и др. пределы состоянию несуществования. 1) «*Дремлет* стужа, сок из веток выжав, в чашах *спят*, умаявшись, ветра» (В. Тушинова, Дремлет стужа, сок из веток выжав...) («стужа и ветер отсутствуют»). Однако наличие дееспричастий *выжав* и *умаявшись* подсказывает, что стужа и ветер были, т. е. здесь несуществование ограничивается смыслом контекста; 2) «Местность была глухая, и почтовая связь с внешним миром полностью *отсутствовала*». В этом случае несуществование ограничивается определением «почтовая» (наличие других возможностей связи не отрицается); 3) «Счастье таких усилий не любит, *обходит*. Когда ищут его, как белые грибы» (В. Дудинцев, Белые одежды). Счастья нет, однако оно отсутствует только тогда, когда становится предметом поисков. Здесь налицо ограничивающий детерминант условия.

Такое ограничение состояния несуществования и способы его выражения могут стать предметом специального изучения, но в настоящей статье такая задача не ставится. Для выявления изучаемых оппозиций рассматриваются значения только минимального контекста: субъект глагольный предикат (синтаксический комплекс, глагольный фразеологизм), в котором глаголы своей семантикой передают значение несуществования. *Дремлет* стужа — стужа *нет*, *Спит* ветер — ветра *нет*. Связь *отсутст-*

ует — связи *нет*, Счастье *обходит* (людей) — счастья *нет*. Использование в последнем примере (и во всех примерах такого типа) дополнения к глаголу, требующегося вследствие сильного управления глагола, не ограничивает несуществования, а наоборот, показывает его всеобщность.

В семантической структуре всех глаголов, входящих в оппозицию «глаголы, называющие отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем,— глаголы фаз, предшествующих фазе собственно существования» (см. рис. 5), присутствует общий элемент — предполагаемость, потенция существования. Различие между членами оппозиции состоит в том, что у глаголов, называющих отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем,— это предполагаемость существования вообще, а у глаголов существования, именующих фазы, которые предшествуют фазе собственно существования,— это предполагаемость собственно существования. Нередко в рассматриваемую оппозицию втягиваются и глаголы, именующие фазу собственно существования. Рассматриваемое противопоставление реализуется обычно в антонимических (в широком понимании) контекстах: «Пусть *длится* ночь, пусть *опоздает* утро» (К. Симонов, Я не спешу...; «Такая благодать *держалась*, *отодвигалась* зима все». В. Афонин, Клюква ягода); «Но дни шли, побег *затягивался*, напряжение *нарастал*» (Д. Гусаров, Пропавший отряд).

Следует отметить, что появление в предложениях с глаголами, называющими отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем, некоторых детерминантов ведет к ослаблению в семантике глагола элемента «отсутствие существования» и усилению элемента «предполагаемость существования». Например: «Свадьба моя *отлагается* день ото дня далее» (А. Пушкин, Письмо П. А. Плетневу, 1830, 31 авг.); «Решение вопроса *отодвинулось* на неопределенное время» (В. Вересаев, Без дороги).

Употребление квалификатора «еще» при глаголе со значением собственно несуществования указывает, что это сочетание тоже называет отсутствие того, что должно было быть, но не осуществилось и предполагается в будущем: *Музыка еще молчит*, т. е. «музыки еще нет, но предполагается, что она будет» (ср.: *Музыка молчит*); «Тогда гроза двенадцатого года *Еще спала*. Еще Наполеон Не испытал великого народа» (А. Пушкин, Была пора: наш праздник молодой...). Здесь предположение (и должествование) проявляются в аспекте авторского знания: поэт уже знает, что война была.

Если между глаголами собственно несуществования и собственно существования возможна антонимическая сопоставленность, выраженная частицей не, то между глаголами рассматриваемых множеств сопоставленность выявляется комплексом: частицей не и квалификатором «еще» при глаголах существования. *Весна задержалась* = *Весна еще не наступила*. «Что ж *медит* ужас боевой? Что ж битва первая *еще не закипела*?» (А. Пушкин, Война).

Оппозиция «глаголы, называющие отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось,— глаголы фаз собственно бытия, находящихся за фазой собственно существования» (см. рис. 6), характеризуется возможностью одними и теми же лексемами называть или исчезновение, или отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось. С одной стороны, *Он говорил, но голос его замирал и в конце концов замер* («голос был и исчез»). С другой — *Он хотел сказать, но голос его замер* («голоса не было»). «Полет кончился, опасность миновала» (В. Саянов, Небо и земля)

(«опасность была и исчезла»). «— Кто такие?— крикнул старшина, успевший с автоматом наготове выдвинуться к середине обоза.— Свои! Свои! — отозвалось сразу несколько обрадованных голосов.— Мы из плена! Старшина уже понял, что беда *миновала*, но все еще остерегался поверить в это до конца» (Д. Гусаров, Пропавший отряд) («была только возможность беды, но самой ее не было»).

Некоторые примеры употребления глаголов, называющих отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось: «Надеюсь, что свадьба его *расстроится*» (А. Пушкин, Письмо Н. Н. Пушкиной, 1833 г., 12 сент.);

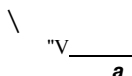

Рис. 6.

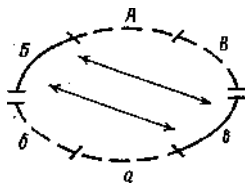

Рис. 7.

«По его [Пушкина] мнению, несчастье, каким грозила примета, должно *миновать* по истечении дня...» (В. Нащокина, Нов. вр., 1898, № 8115); «Но обратный билет ему уже вручили, и он решил, что встреча *отменилась*» (А. Рыбаков, Дети Арбата). Существуют и «фразеологизмы с этим значением. Например, *замереть на устах*, *застрясть в горле*, значение которых определяется обычно в словарях как «остаться невысказанными (о словах, упреках и т. п.)». «Едва злодей узнал Руслана, В нем кровь остыла, взор погас, В *устах* открытых *замер* глас, И пал без чувств он на колени...» (А. Пушкин, Руслан и Людмила); «Я снова кивнула, потому что слова *застряли* у меня *в горле*» (Е. Мещерская, Трудовое крещение); «Мне сделалось жаль его, жестокие слова *замерли в горле*, и слава богу: я ведь хотел объявить ему, что отлучался из Академии...» (А. Борщаговский, Где поселится кузнец).

Контексты показывают, что обычно при описании отсутствия того, что могло бы быть, но не осуществилось, употребляются глаголы совершенного вида. Соотносительные же по видовой паре глаголы несовершенного вида появляются в ситуации, когда несуществование относится не только к субъекту, но и к самой возможности появления субъекта, т. е. в таких глаголах контаминируется значение собственно несуществования и значение отсутствия того, что могло бы быть, но не осуществилось. Например, *Счастье обошло нас стороной* («счастья не было, но возможность счастья была») и *Счастье обходит нас стороной* («счастья также не было, но о наличии/отсутствии возможности счастья в этом случае сказать ничего нельзя: происходит нейтрализация этих значений»).

Оппозиция «глаголы, называющие отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось,— глаголы фаз собственно бытия, предшествующих фазе собственно существования» (см. рис. 7),— наименее четкая из всех рассмотренных оппозиций. Члены этой оппозиции имеют то общее, что в их семантике содержится указание на исход некоторого возможного бытийного состояния: глаголы фаз собственно бытия, предшествующих фазе собственно существования, показывают исход этих состояний в собственно существование, а глаголы, называющие отсутствие того, что могло

бы быть, но не осуществилось,—исход в состояние несуществования. Т. е. глаголы последней группы могут называть отсутствие предмета или явления, собственно существования которых не было, но была возможность этого существования,⁴¹ исчезнувшая на фазе предстояния (или на фазах, заключенных между фазами предстояния и собственно существования) этого предмета или явления, т. к. на данных фазах бытия предметы или явления есть и в то же время их нет: «Начало содержит в себе и „Nichts“ и „Sein“, оно есть их единство: ... „начинающегося еще нет; оно лишь направляется к бытию“...» [20]. Например, «Готовые сорваться упрёки... застряли у него в горле». (Г. Шолохов-Синяевский, Волгины). (Противопоставляются глагольный фразеологизм, называющий отсутствие того,

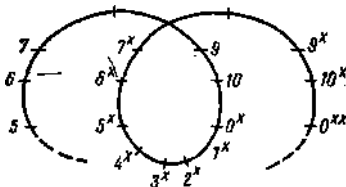

Рис. 8.

что могло бы быть, но не осуществилось,—* *застрять в горле* — и глагол фазы осуществления — сорваться.) Также: «Одним разом *разрушилось*, казалось, уже *свершившееся*. Марина знала: отец рассчитывал ее замужеством поправить свое положение, но теперь этому *не бывать*» (В. Тумасов, На росянках).

Глагол, называющий отсутствие того, что могло бы быть, но не осуществилось, может, минуя глаголы, называющие фазы, которые представляют фазу собственно существования, противопоставляться глаголу со значением каузации существования группировки глаголов действия. «— Ваш сообщник Гвельтов арестован морским патрулем. Провокация, которую вы *затеяли*, *провалилась*» («собственно провокации не было»); (Е. Гуляковский, Шорох] прибой); «Хотел *сказать*, как было, сразу — Сама *застряла в горле* фраза...» (Я. Белинский, Побег).

Таким образом, русский глагол показывает несуществование в ряде оппозиций, нисходящем как по степени их функциональной нагруженности, так и по степени конкретизации их семантики, а следовательно, по количеству глаголов, входящих в противоположные члены этих оппозиций.

Жизнь (бытие) любого предмета или явления раскрывается перед нами средствами русского глагольного слова как непрерывная цепь экзистенций, которые все вместе составляют «спираль бытия». Жизнь (бытие) возникает, существует, исчезает, отсутствует (не существует), затем возрождается вновь, но уже в новом качестве, чтобы снова пройти все стадии этой бесконечной спирали (см. рис. 8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. С. 651.

2. Брутян Г. А. Язык и картина мира // Философские науки. 1973. № 1.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
4. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Серебренников Б. А. М., 1988.
5. Воронцова Е. П. Соотношение денотативной и сигнификативной информации при реализации картины мира лексико-семантическими средствами (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 10—11.
6. Колианский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965. С. 175.
7. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. С. 6.
8. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. С. 18.
9. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985. С. 3.
10. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 95.
11. Колианский Г. В. К проблеме понятия и значения // ИЯШ. 1962. № 1. С. 33.
12. Рассел Б.Descriptions// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 42.
13. Колианский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 7.
14. Философская энциклопедия. Т. I. М., 1960. С. 209.
15. Нарский И. С. Понятие «существование», логический позитивизм и формальная логика//Философские вопросы современной формальной ЛОГИКИ. М., 1962. С. 178.
16. Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации): Докл. на IX Международном съезде славистов // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1983.
17. Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка. Глагол. М., 1989.
18. Попов В. Н. Глаголы со значением несуществования в их сопоставлении с глаголами со значением собственно бытия // Описательное и сравнительно-типологическое изучение русского языка и языков Азии, Африки и Европы. М., 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР. 23.09.87. № 31254.
19. Арутюнов Н. Д., Ширяев Е. И. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1985. С. 37.
20. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»//Поли. собр. соч. Т. 2'. С. 93.